

Приходскій листокъ

Свято-Вознесенской церкви

въ городѣ Сакраменто

Западно-Американская епархія

Русская Православная Церковь Заграницей

№ 413

20 октября/ 2 ноября, 2008 года

Православное воспитаніе дѣтей въ наши дни (записки американца русскаго происхожденія)

«Всѣ у нас должно быть второстепеннымъ въ сравненіи съ заботой о дѣтяхъ и съ тѣмъ, чтобы воспитывать ихъ въ наказаніи и наученіи Господнемъ»

Святитель Іоаннъ Златоустъ

Мы ежедневно съ ужасомъ читаемъ въ газетахъ о преступленіяхъ подростковъ. Насилія, убійства малолѣтними преступниками родителей, братьевъ или сестеръ никогда не совершались въ такомъ количествѣ, какъ въ наше время.

Мнѣ вспоминается одно особенно потрясающее преступленіе. Четверо подростковъ нашли въ паркѣ на скамейкѣ неизвѣстнаго имъ молодого человѣка. Они безъ всякаго повода напали на него, избили, поджигали ему ступни папиросами, истязали его и, наконецъ, утопили. Они совершили это преступленіе по какой-то извращенности своей природы, какъ искатели сильныхъ ощущеній. Они пошли въ паркъ съ тѣмъ, чтобы найти жертву для своего садизма.

Естественно, явилось подозреніе, что они психически ненормальны. Однако газеты скоро сообщили, что эти юноши внѣшне совершенно нормальны. Они не были наркоманами, не происходили изъ подонковъ общества, а были дѣтьми, казалось, совершенно нормальныхъ, благополучныхъ семействъ. Родители говорили о нихъ какъ о хорошихъ мальчикахъ, ихъ умственно развитіе въ школѣ расцѣнивалось выше средняго.

Откуда же такой садизмъ, откуда такая преступная, бессмысленная жестокость? Есть что-то страшное въ духовномъ состояніи молодого поколенія, въ которомъ мы видимъ растущее число такихъ чудовищъ. Наряду съ сотнями тысячъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, отданныхъ подъ судъ, есть еще множество молодыхъ людей съ изломаннымъ нравственнымъ устроеніемъ, которые страдаютъ и приносятъ страданія другимъ,

хотя они и неизвѣстны полиціи.

Какъ и подъ какимъ влияніемъ вырастаютъ эти несчастные юноши и дѣвушки? Отвѣтъ слѣдуетъ искать въ условіяхъ, направленіяхъ и методахъ современнаго воспитанія.

Въ неслыханномъ доселѣ множествѣ книгъ и статей о воспитаніи дѣтей и ихъ психологіи къ дѣтямъ стараются подойти со всѣмъ знаніемъ ихъ психической и физической природы. Но существуетъ слишкомъ много школъ педагогики, психіатріи и моднаго нѣкогда психоанализа. Къ настоящему времени Америка и Западная Европа уже пережили увлеченіе психоанализомъ, и, кажется, чѣмъ больше спеціалисты стараются найти лучшіе пути воспитанія, тѣмъ больше тревоги въ обществѣ вызываютъ дѣти.

Къ сожаленію, въ современныхъ теоріяхъ въ той или иной степени сказывается влияніе основоположника психоанализа Зигмунда Фрейда, поэтому мы не можемъ обойти его молчаніемъ.

Когда въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія онъ началъ публиковать результаты своихъ изслѣдованій, то многимъ казалось, что онъ дѣйствительно нашелъ ключъ къ пониманію и излеченію если не всѣхъ психическихъ болезней, то, во всякомъ случаѣ, большинства. Однако атеизмъ Фрейда ограничивалъ его пониманіе душевныхъ проблемъ; многое онъ не могъ и не хотѣлъ видѣть или видѣлъ искаженно, хотя, возможно, и старался быть объективнымъ. Основанный имъ психоанализъ исходитъ изъ предпосылки, будто всѣ трудности въ жизни человѣка, въ отношеніи къ окружающему его обществу, непременно основаны на какомъ-либо невысказанномъ внутреннемъ конфликтѣ,

гнѣздящемся въ подсознаніи.

Надо пояснить, что именно въ психоанализѣ понимается какъ область подсознательнаго. Человѣческое мышленіе здѣсь раздѣляется на эти два уровня, между которыми нѣтъ вполне определенной границы; мозгъ какъ бы дѣлится на верхнюю и нижнюю части. Въ верхней, сознательной части мозга якобы сосредотачивается управление текущей дѣятельностью человека, а результаты опыта переходятъ внизъ, въ подсознаніе, откуда могутъ подниматься путемъ ассоціацій и воспоминаній. Такимъ образомъ подсознаніе – это какъ бы складъ опыта и переживаній, которые записаны тамъ точно и подробно.

Психоанализъ сосредотачивается на функціяхъ мозга. Но мы знаемъ, что съ нимъ таинственно связана и наша невидимая душа какъ составляющая часть личности, и надо полагать, что многое изъ того, что психиатры относятъ къ области подсознательнаго, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ не только и на столько мозгу, сколько именно душѣ.

Православная аскетика черезъ свободное подчиненіе человѣкомъ себя Богу и постоянную молитву, совершаемую не только сознательно, но и подсознательно (такъ наз. умная молитва) сосредотачиваетъ въ подсознаніи благодатныя переживанія, мысли и чувства и такимъ образомъ дѣлаетъ подвижника внутренне единымъ въ его устремленіи къ Богу. Но подсознаніе можетъ скапливать и грѣховныя переживанія и чувства, съ которыми не могутъ примириться душа и сознание. Впрочемъ, живущее въ подсознаніи добро можетъ бороться съ грѣховнымъ движеніемъ сознательной мысли даже прежде, чѣмъ человѣкъ вспомнить внушаемый грѣхъ.

Такая внутренняя борьба можетъ стать опустошительной для души человѣка, особенно если грѣхъ откроетъ діаволу путь для овладенія мыслями, что мы называемъ бѣснованіемъ и чего не признаютъ психиатры-позитивисты. Возникаетъ внутренній конфликтъ, причину которого психоанализъ (и слѣдующія ему школы психиатріи) видятъ въ подавленіи страстей полового характера. Дѣйствительно, борьба съ этими страстями есть удѣлъ большинства смертныхъ. Въ христіанствѣ она вдохновляется стремленіемъ къ нравственной и сердечной чистотѣ, безъ которой невозможно соединеніе съ Богомъ. Плотскіе инстинкты преображаются въ молитвѣ, труда и любви во славу Божию. Вмѣстѣ съ тѣмъ воздержаніе – необходимое средство духовной жизни, которое

добровольно во имя любви къ Богу. Но если воздержаніе отъ страстей попросту навязывается внѣшнимъ закономъ или правиламъ приличія, то оно становится для человѣка тяжкимъ бременемъ.

Именно такъ и рассматриваетъ воздержаніе психоанализъ. Его цѣль – не входя въ нравственную оцѣнку страстей, устранить страданія, вызываемыя внутренней борьбой въ человѣкѣ, успокоить его, примирить съ обитающей въ немъ страстью, указать ему, какъ спокойно жить въ обществѣ, не нарушая внѣшнихъ законовъ и приличій, но не осуждая своей страсти и не отказываясь отъ нее. Преодоленіе страстей и грѣха признается необходимымъ лишь постольку, поскольку неумѣренность искорененію, а ограниченіе въ ихъ удовлетвореніи диктуется въ сущности не высшими принципами морали, а практическими соображеніями.

Психоанализъ проповѣдуетъ жизнь, направляемую инстинктами, подавленіе которыхъ считаетъ ненормальнымъ и угрожающимъ явленіемъ. Отсюда и проповѣдь ранняго обученія дѣтей половой фізіологіи, и покровительство раннему проявленію романтическихъ отношеній между молодыми людьми и дѣвушками, на которое теперь жалуются многіе разумные родители. При этомъ исходятъ изъ того, что страсти рано или поздно овладѣваютъ человѣкомъ и ради того, чтобы оградить его отъ слишкомъ бурного ихъ воздѣйствія, надо постепенно и возможно болѣе рано знакомить его съ той областью, гдѣ они разгораются. Если такая цѣль и достижима, то съ христіанской точки зрѣнія дѣтямъ приносится не польза, а вредъ, ибо область грѣха становится для нихъ привычкой, а чистота страдаетъ.

Я коснулся мрачной области психоанализа только для того, чтобы выяснитъ, дѣйствительно ли онъ можетъ стать средствомъ духовно-нравственнаго оздоровленія человѣчества. Конечно, отвѣтъ долженъ быть отрицательнымъ, однако нѣкоторые данные психоаналитическихъ изслѣдованій могутъ оказаться для насъ полезными. Прежде всего надо замѣтитъ, что даже невѣрующій Фрейдъ обнаружилъ у человѣка какую-то скрытую отъ матеріалистовъ душевную жизнь. Нѣкоторые изъ его оппонентовъ пошли дальше и пришли къ заключенію о врожденномъ религіозномъ чувствѣ человѣка. Карлъ Юнгъ говорилъ, что тотъ, кто этого не видитъ – слѣпъ.

Фрейдъ и его ученики не могли получить полной картины внутренней жизни человѣка потому, что, изслѣдуя людей съ поврежденной

грѣхомъ природой, лишеной внутренняго единства, не располагали критеріемъ нормы. Нѣтъ яснаго понятія о нормѣ и у тѣхъ педагоговъ-психологовъ, которые ищутъ въ психоанализѣ путей преодоленія дѣтской преступности и воспитанія полезныхъ членовъ общества. Видя отклоненія отъ нормы, они не могутъ ихъ исправить, не зная, какова же эта норма. Такъ, можно замѣтить, что хоръ фальшивить, но, не будучи регентомъ и не зная исполняемой композиціи, нельзя указать, какъ онъ долженъ звучать. Поэтому такъ примитивны и неглубоки ихъ заключенія о причинахъ болѣзни молодого поколенія и о методахъ его леченія. Главныя причины, которыя они находятъ – это такъ называемый «эдиповъ комплексъ» (неосознанная влюбленность дѣтей въ родителей противоположеннаго пола), неблагополучіе семьи, какой-то тяжелый опытъ ранняго искушенія въ области пола. Рѣдко кто видитъ, что при правильномъ религиозномъ устроеніи души съ младенчества эти искушенія не оставляли бы тяжелыхъ послѣдствій для психики или вовсе не были бы столь сильными. Отсюда и преувеличенное значеніе, придаваемое спорту какъ якобы дающему выходъ энергіи и отвлекающему занятію. Однако ученые Йельскаго университета пришли къ выводу, что среди преступниковъ гораздо больше для тѣхъ, кто занимался плаваніемъ, коньками, футболомъ, бейсболомъ и т. п., чѣмъ среди законопослушныхъ гражданъ.

Психоанализъ, подчасъ претендующій на роль религіи, не можетъ поднять уровень нравственности потому, что не имѣетъ ни моральныхъ, не религиозныхъ основъ. Онъ старается преодолѣть внутренній конфликтъ, усыпивъ совѣсть и примиривъ человѣка съ живущимъ въ немъ грѣхомъ. Поэтому глубокой критикъ психоанализа Арвидъ Рунестамъ въ книгѣ «Психоанализъ и христіанство» пишетъ, что поскольку психоанализъ отстаиваетъ право на жизнь, управляемую инстинктомъ, то нравственность онъ представляетъ скорѣе какъ неизбѣжное зло, нежели какъ положительное добро.

Тѣмъ самымъ мы видимъ, что причину роста преступности и способы съ ней бороться ищутъ внѣ проблемы преодоленія грѣха. Между тѣмъ паденіе первыхъ людей ввело грѣхъ внутрь природы каждого изъ насъ, привнеся въ нее раздѣленіе, которое преодолевается только благодатью.

Преп. Іоаннъ Дамаскинъ указываетъ, что въ каждомъ человѣкѣ дѣйствуетъ законъ Божій, привлекающій къ себѣ нашъ умъ и возрождающій

совѣсть, -- и законъ грѣха, то есть внушенія лукаваго, входящія черезъ тѣлесную похоть и склонность и ставящія неразумную часть души въ состояніе борьбы съ закономъ совѣсти. Человѣкъ желаетъ закона Божія и любить его, а діаволь оболыщаетъ его и убѣждаетъ сдѣлаться рабомъ грѣха (Точное изложеніе православной вѣры, кн. 4, гл. 22).

Объ этомъ раздвоеніи выразительно говоритъ апостоль Павелъ: «знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть въ плоти моей, доброе; потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу <...> Итакъ, я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доборе, прилежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ; но во членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящегося въ членахъ моихъ (Рим 7: 18, 21-23).

Вотъ это внутреннее раздѣленіе въ каждомъ грѣшномъ человѣкѣ и преодолевается подвигомъ христіанкой жизни, цѣль которой – достиженіе такого состоянія, когда жизнь во Христѣ осуществляется уже почти безъ внутренняго конфликта, и праведникъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ можетъ сказать: «не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ».

Отмѣтимъ нѣкоторую искусственность подбора лицъ, подвергающихся психоанализу: въ основномъ это тѣ, въ комъ грѣхъ значительно нарушилъ внутреннюю цѣлостность. А каково было бы заключеніе, если бы подвергнуть психоанализу нормальныхъ людей, тѣмъ болѣе святыхъ? Несомнѣнно, это показало бы совершенно новый для изслѣдователей образецъ нормальности.

Психоаналитики забываютъ или не знаютъ, что человѣкъ былъ созданъ безгрѣшнымъ, и тѣмъ самымъ нормальнымъ для его природы слѣдуетъ признать состояніе Адама до грѣхопаденія. Грѣхъ увелъ человѣка отъ нормы и, слѣдовательно, чѣмъ онъ грѣховнѣе, тѣмъ ненормальнѣе, хотя мы можемъ этого не замѣчать, ибо судимъ о людяхъ по совершенно другой мѣркѣ: нормальнымъ представляется тотъ, кто не выделяется изъ зараженнаго грѣхомъ окруженія. Когда Варнава, продавъ свою землю, принесъ деньги и положилъ ихъ къ ногамъ Апостола (Дѣян 4:36-37), для общества первохристіанъ это было нормальнымъ, между тѣмъ какъ человѣка, совершившаго такой поступокъ въ нашемъ очерстневшемъ обществѣ, многіе сочли бы ненормальнымъ. И напротивъ, вполне нормальнымъ представляется, если человѣкъ всѣ свои силы направляетъ на наживу

даже въ ущербъ ближнимъ.

Точно такъ же блудъ былъ для первохристіанъ настолько противорѣчащемъ нормѣ, что ап. Павелъ призывалъ коринфянъ не общаться съ тѣми, кто, ставъ по имени христіанами, не оставилъ блуда (I Кор 5:9-10). Нынѣ же многіе считаютъ этотъ грѣхъ обычнымъ и въ терпимости къ нему недалеко уходятъ отъ современныхъ Апостолу язычниковъ.

А вотъ случай, характерный для американской школы. Русская школьница лѣтъ 16-ти, первая ученица школы по успѣхамъ и общему развитію, не красится и не имѣетъ пріятели-мальчика (англ. boy friend). Вообще-то она обычная, нормальная для прежнихъ временъ въ Россіи православная дѣвушка. Этой дѣвушкѣ педагоги нѣсколько разъ указывали, что-де нужно имѣть такого пріятели, но она не видѣла въ этомъ никакой необходимости. Наконецъ, педагоги пришли къ ее родителямъ и, стараясь черезъ нихъ повліять на свою ученицу, говорили, что ее поведеніе нѣсколько ненормально. Вотъ яркій примѣръ того, насколько извращеннымъ можетъ быть понятіе о нормѣ въ области морали и воспитанія.

Итакъ, говоря о правильномъ развитіи христіанина и о его воспитаніи, мы прежде всего должны условиться о той нормѣ, которую хотимъ воплотить въ жизнь.

Среди русскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ приходится иногда слышать сужденія о томъ, что дѣти не должны расти чуждыми средѣ. И вотъ, ради этого готовы жертвовать и церковностью. Такимъ родителямъ не стоитъ удивляться, если ихъ дѣти, утративъ основы православной морали, изъ окружающаго общества позаимствуютъ лишь самыя худшіе навыки.

Христіанское устроеніе человѣка не должно зависѣть отъ окружающаго міра; первые христіане, будучи одинокими въ языческомъ мірѣ, съ которымъ не могли не общаться, преодолевали его вліяніе.

Апостоль Павелъ, предостерегая отъ общенія съ блудниками, подчеркиваетъ, что имѣетъ въ виду только тѣхъ изъ нихъ, которые претендуютъ на принадлежность къ Церкви, но не язычниковъ. Такимъ образомъ онъ не ставитъ передъ нами невыполнимаго требованія: нельзя жить въ мірѣ и не общаться съ его людьми. Однако христіане могутъ жить своей обособленной отъ міра культурной жизнью, къ чему и призываетъ Апостоль. Мы живемъ среди людей иной морали и не можемъ съ ними не общаться, но должны оберегать отъ ихъ вліянія душу и сердце.

Задача православныхъ родителей – способствовать

развитію христіанскаго чувства и сознанія въ дѣтяхъ съ самого ранняго возраста, въ какихъ бы условіяхъ они ни жили.

...Нѣтъ ничего привлекательнѣе чистаго, неспорченнаго младенца, и не напрасно Спаситель поставилъ дѣтскую чистоту образцомъ для христіанъ, какъ мы читаемъ въ Евангеліи: «если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное» (Мѣ 18:3). Но зато какъ ужасно бываетъ видѣть ребенка, который вслѣдствіе неправильнаго воспитанія уже утратилъ свойства непорочнаго младенца и развиваетъ въ себѣ задатки грѣха!

Вспомнимъ, что говорилъ преп. Іоаннъ Дамаскинъ о законѣ грѣха, который входитъ въ нашу жизнь черезъ тѣлесную похоть, а неразумную часть души подвигаетъ бороться съ закономъ совѣсти. Наблюденія врачей показываютъ, что съ двухъ лѣтъ ребенокъ уже испытываетъ явственное раздвоеніе, вступаетъ въ область противорѣчій, вынужденъ выбирать между двумя противоположными побужденіями. Сознательной грѣховной воли у чего еще нѣтъ, но искушеніе уже способно проникать въ «неразумную часть души».

Такимъ образомъ, формированіе человѣка какъ нравственной личности начинается очень рано, и не напрасно съ давнихъ поръ ожидающую ребенка мать такъ оберегала отъ всякихъ нервныхъ потрясеній: нравственное состояніе матери далеко небезразлично и для пребывающаго во чревѣ младенца.

Замѣтимъ, что и Пресвятая Дѣва Марія, и великіе святые родились у матерей, которые вымолили ихъ у Бога и вынашивали съ постоянной усердной молитвой. Природа младенца, подготовленная вѣрой родителей, очень рано становится способной познавать Бога и почитать Его какъ Небеснаго Отца (напротивъ, порочное поведеніе матери при беременности зачастую тяжело отражается на психикѣ младенца). Даже Фрейдъ, будучи атеистомъ, признавалъ, что дѣтскому сознанію присуще представленіе о Всемогущемъ Отцѣ; правда, онъ пытался дать этому факту надуманное, явно несостоятельное объясненіе, но практически вынужденъ былъ признать, что вѣра присутствуетъ въ сознаніи человѣка изначально, и одно это признаніе уже разрушаетъ всѣ его атеистическія построенія.

«Домашняя церковь», профессоръ, протоіерей Глѣбъ Каледя, издательство Зачатьевскаго монастыря, Москва, 2001 г., стр. 235-244

Elder Daniel “the Greek” Wilderness Ascetic of Mount Athos

+1879

Note: One should not confuse Elder Daniel the Greek with a later Elder Daniel (1846-1929) also of Katounakia, a learned hermit whose inspiring life is related by Archimandrite Cherubim in *Contemporary Ascetics of Mount Athos*, vol. 1, Saint Herman Press, Platina, 1991.

*Life is blessed for those in the wilderness as they fly
upon the wings of divine love.
(Hymns of Ascent, tone 5)*

The year was 1814. A sailing ship drew to the shore beneath the skete of Kavsokalyvia and deposited an eighteen-year-old Greek youth by the name of Dimitri. He aspired to become a monk and, before setting foot on the Holy Mountain, had resolved to accept as his elder and spiritual guide the first monk he met there, and to live with that monk until he died. With this in mind, he turned his back to the sea and began ascending the mountain. He had climbed a fair distance when he encountered the elder, Fr. Herman, who lived in the kellion of Saint Artemios. “Here is the monk whom I must serve until death,” said Dimitri to himself, “for the Lord Himself has led me to him.”

The Elder Herman, a Serb, had what to all appearances was a refractory, stern, even harsh character; he not only railed constantly at his obedient disciple, he even beat him frequently, especially at the beginning. He did this not out of anger but out of spiritual wisdom. However, it was a long time before his disciple-not to mention others who witnessed this behavior-could understand this. In spite of such treatment, Dimitri did not leave the elder and was unquestioningly obedient to him. And he remained so until Fr. Herman’s death, forty years later.

Fr. Herman’s harsh treatment of his disciple did not go unnoticed. One day (Dimitri had by this time been tonsured with the name Daniel) the elders from St Anne’s Skete came to Fr. Herman in order to persuade him to cease such cruelty toward his disciple, The Elder responded with words from the Gospel: Ye know not the things that be of God but those that be of men! Realizing that the elder was acting thus out of spiritual wisdom, the monks departed, marvelling at Daniel’s perseverance and his devotion to the elder.

After living for many years with Fr. Herman, Daniel attained to a profound humility and was granted gifts of grace. Once, when still a novice, he was stoking the bread oven and, in raking the embers, he dropped the poker, which had been poorly attached to its wooden handle. The fire in the oven was blazing. Turning to his elder, Daniel cried out, “Forgive me, father, I have sinned. The poker fell off its handle!” “Reach in and get it!” the elder ordered sternly. “Bless me,” said the novice. “God bless you,” replied the elder. At once Daniel jumped into the oven and, thrusting his bare hands into the burning embers, retrieved the red-hot poker-without suffering any burns! News of this miracle spread rapidly all over the Holy Mountain. Daniel, unwilling to be the subject of general attention, left his elder and lived in obscurity for a time, until the incident’s renown died out.

Daniel lived with his elder in the kellion of St Artemios for two years. They spent the next year at the Serbian monastery of Chilandar, then a year on Karoulia. From there they moved to Karasia, where they lived for seven years, finally settling in St Anne’s Skete. They had lived there, in the kellion of the Holy Resurrection, for fifteen years when the Elder Herman reposed.

In his early years on Mt Athos, Daniel endured a great deal, not only from the elder but even more from those calamities that befell the Holy Mountain at that time. It was the time of the Greek Revolution. The hermits were reduced to dire circumstances: there was no bread, and they sustained themselves on wild grasses and chestnuts. The latter they ground into a meal, but it was very powdery and required the addition of wheat flour in order to hold together for bread. Even then the product was barely digestible, and only extreme hunger compelled the hermits to eat it. Hunger and want often reduced Fr. Daniel to ask for alms at one of the monasteries, if only to obtain some bread for his elder. Once

he managed to get some wheat and was carrying it on his shoulders into the wilderness. He went at night so as to avoid meeting up with robbers, but his precaution was in vain. He was attacked; the robbers took his wheat and demanded money. After beating him, they realized that indeed he had nothing, and they let him go. On another occasion, when Daniel went off in search of provisions, he again fell into the hands of some robbers, who already held three monks captive. Coming to the shore, the robbers began leading their prisoners onto a boat, intending to take them away and sell them into slavery. Daniel, who was of slight build, fell in tears at the feet of the captain and begged him to leave him there on Mt Athos, or, if he wished, to cut off his head at once. The captain pushed him away, figuring, no doubt, that such a small man would never fetch a decent price. He climbed into the boat, and it pulled away from shore, leaving Daniel free to return to his elder.

This incident was soon followed by yet another. At that time Daniel and his elder were living in Kerasia, in the kellion of Saint John the Theologian. In the neighboring kellion of Saint George, lived a hieromonk, who was also poverty-stricken and lacked sufficient food. To allay his hunger, he would go down to the sea at night and fish. One night some robbers seized him and forced him to take them to his cell. Taking everything there that they could, they proceeded to ransack the neighboring kellia as well. Not finding anything at Elder Herman's, they compelled him and his disciple to carry their loot to the shore. There, for some reason, they paid no further attention to Fr. Herman and Fr. Daniel, but they took the hieromonk with them.

Upon the death of his elder, Fr. Daniel moved into a cave above St Anne's Skete. In climbing up to the cave, one had to go sideways, and even then it was hard to avoid being scraped by rocks. The cave itself was so cramped that on entering one had to sit down. On the floor stood a platform; here the elder rested and here he sat while occupied with handiwork or reading—he had a good collection of books.

“Once two of us [from a note by Fr. Panteleimon] accompanied the elder to this cave. After he had settled near the window and my companion had squeezed in next to him, there was no place left for me. When I did step in, the door wouldn't shut until I had moved in tight against the others. In the corner of the eastern wall there was a niche with some icons and books; next to them was the skull of Elder Herman.

During our conversation, Fr. Daniel pointed to the skull and, crossing his arms on his chest, said meekly, ‘I do nothing, I have no good deeds, my only hope is in the mercy of God and the prayers of the elder. How else can I justify myself?’ Fr. Daniel's appearance, everything he did and said, reflected his profound humility.

“In the summer of 1870, we visited Fr. Daniel and saw that near the cave some trees had been chopped down and there stood a small hut. It had been rather roughly constructed by a man who felt sorry for the elder's sickly condition, brought on by the cave's dampness. The dwelling drew the elder out of his reclusion and he went to Karyes to purchase some materials - his first such expedition in thirty years.

“Having visited the elder now and again, and knowing how strictly he avoided giving any advice or instruction, we tried to draw out some recollections of his life experiences by posing various questions. For the most part he declined to respond, but he did answer some simple questions. “When we are beset by temptations,” said the elder, ‘we should thank God, because He sends them for our benefit, and He does not allow us to be tempted beyond our strength. If we murmur, the temptations will intensify. When someone resists a trial or thinks to run away from it, he is sure to encounter a worse trial. One must endure, one must endure. The holy martyrs shed their blood for Christ; we should at least expend some labor and sweat. Through trials a man gains experience and progress towards perfection. One must labor and pray!’

“Can one pray alike when one is at peace and when one is disturbed by some anxiety or grief?”

“This is for spiritual fathers to judge. I am a simple man,’ the elder replied. “But we are not addressing you as a spiritual father. We are simply asking. After all, in the past you yourself have undoubtedly experienced periods of grief, so you must know about this.’

“In a state of grief,’ he replied, ‘a man turns to God in tears and Christ is his comfort. As great as his grief, so great is the measure of comfort that comes from the Lord.’

“Is it true that hesychasts, as we have heard, cannot remain more than three days and nights in uninterrupted contemplation and prayer, even when they are visited by grace?”

“Yes,” replied the elder, ‘some movement is needed so as not to succumb to indolence. But this is

only true for the weak; it does not apply to those who have tasted the fruit of silence.'

"Why, can they maintain such a state of prayer longer than three days without leaving their cell?" we asked. 'How do they do it?'

"They can..." The elder evidently wanted to say more but cut himself short. Then he added, 'In the desert one must constantly war against enemies that wage a cruel warfare with ascetics. It is a hand-to-hand combat, and their cunning and demonic malice make it very dangerous. Those who live among people are distracted by all kinds of diversions, and because of this their spiritual warfare is not as fierce.'"

Elder Daniel was Greek, but he was so fluent in Serbian that many took him for a Serb. The gifts of grace with which he was endowed were seldom detected; it was evident that he purposely kept them concealed. At the top of Katounaki lived a Moldavian elder by the name of Cosmas. His life was austere, but he bore it with cheerful equanimity. At one time he was overcome by a terrible oppression, and he was unable to find any relief, even in prayer. In this state he went into the woods in search of some soft wood suitable for carving. There he encountered a gaunt elder of small stature with a sparse beard and shabbily dressed. He bowed to the elder, not knowing that this was Fr. Daniel. Suddenly he sensed within himself a dramatic change: the heaviness was gone from his soul, and it was suffused with a quiet joy and light. Cosmas understood at once that here was a grace-filled elder and that he had mentally prayed for him, having spiritually perceived his troubled state of soul. However, no sooner had he approached the elder, trying to express with gestures his gratitude (Cosmas did not speak Greek), than the elder rapidly withdrew and was lost to sight.

A few years later, this same Cosmas was sick and in need of some fresh cucumbers to treat his illness. Knowing that they could be obtained only at Saint Paul's Monastery, he went there, but because he did not speak Greek and therefore could not explain just why he needed the cucumbers, his request was denied. Returning to his hermitage, he had already ascended a fair distance above Saint Anne's Skete when he heard someone swiftly catching up with him from behind. It was Elder Daniel. As though oblivious of his age, he soon overtook Cosmas on the steep slope. Cosmas bowed to the elder, who took from his bosom six fresh cucumbers, just picked, and stuffed them into Cosmas's

bag. Without a word of explanation, he turned and proceeded back down the mountain to his cave, leaving the bewildered Cosmas wondering what was more amazing: the fact that the elder had perceived his grief and need of the cucumbers, or the fact that he had obtained the cucumbers at all, for neither Fr. Daniel nor anyone else in the area had any-and they had just been picked!

Some months passed, and Fr. Cosmas, weighed down by a heavy sack, was climbing up that same steep slope on the way to his hut. It was winter, cold and threatening. A light snow began to fall. Mustering his strength, he increased his pace in order to reach home before dark. He had climbed some distance when conditions worsened: the snow was coming down thick and fast, visibility was poor, and his strength was utterly spent. Wet to the bone and with no change of clothes, Fr. Cosmas began looking around for some shelter. He discerned nearby a large rock and decided to sit down beside it-and what did he find there? Curled up, almost like a ball, in his tattered clothing, barefoot and without any covering, lay the elder Daniel. Cosmas, whose past experience had led him to regard the elder as a grace-filled protector, slipped off his bag and, placing it under his head as a pillow, lay down beside the elder. The storm continued, the cold intensified, and the blanket of snow thickened, but, lying near the elder, Cosmas soon felt warm, as warm as if he were in a heated room. And so he remained until morning. When he awoke, the elder was already gone. Where he had lain there was no snow, and the ground was perfectly dry.

According to Fr. Euthymius of the Ioasaf brotherhood in Kavsokalyvia, Elder Daniel was an ascetic of a caliber no longer to be found. The elder reached the end of his earthly life there in his cave near the kelli of St Artemius, above Saint Anne's Skete, on 19 July 1879.

Translated from Zhizneopisaniya Afonskikh Podvizhnikov Blagochestiye XIX veka, by Hieromonk Antony (Sviatogorets), Jordanville, 1988.

Orthodox America

<http://www.roca.org/OA/153/153e.htm>

**2nd Annual
St. Herman's West Conference
December 22-26
Santa Rosa, California**

With the blessing of Archbishop Kyrill of San Francisco and Western-America, the Second Annual St. Herman's West Youth Conference will be hosted by the parish of Saints Peter and Paul in Santa Rosa. The conference will take place at the Flamingo Conference Center in Santa Rosa.

The conference will include lectures and discussions on topics that concern today's orthodox youth. It will also provide the youth with chances to make new friends through variety of social activities. There will also be a hierarchal liturgy for the feast of St. Herman on the 25th.

The conference will be for youth 15-25 which will accommodate youth of the high school level and also address the specific needs of the college age group.

The conference will last 4 days 22nd- 26th of December with The 22nd and 26th being traveling days. The conference will be at the Flamingo Conference Center and church services will be held in the Church of Saints Peter and Paul in Santa Rosa, California.

Registration fee: \$250 before December 1st

The conference will be taking place at the Flamingo Conference Center in Santa Rosa

The youth will be sleeping in rooms, 4 persons per room.

<http://sthermans.org/west/index.html>

Flamingo Website: <http://www.flamingoresort.com/index.html>

“Parish Bulletin”

**Holy Ascension Russian Orthodox Church,
Diocese of San Francisco and Western America,
Russian Orthodox Church Abroad.**

Address: 714 — 13th Street, Sacramento, CA 95814. Telephone: (916) 443-2271. FAX (916) 443-5079
Sisterhood: (916) 446-7473.

Website: <http://www.holyascensionchurch.com>

Rector: Rev. Paul Volmensky, home (916) 443-2271 Choir conductor: Elizabeth Volmensky (916) 284-6250
mobile (916) 730-2680 Head Sister: Veronica Klimoff (916) 362-8567
Church Warden: Leonty Naumov (916) 308-1918 Cemetery Treasurer:

**The Holy Ascension Russian Orthodox Church
714 -- 13th Street
Sacramento, CA 95814**